

Раздел 4

ИСТОЧНИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Лобин А.Н.

ДОКУМЕНТЫ О СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЕ 1512–1522 гг. В АРХИВНЫХ СОБРАНИЯХ ГЕРМАНИИ, АВСТРИИ, ДАНИИ И ШВЕЦИИ*

Война 1512–1522 гг. между Русским государством и Великим княжеством Литовским была самой продолжительной из русско-литовских войн шестнадцатого столетия. Военная кампания 1514 г. занимает в русско-литовском противостоянии особое место, так как в этом году произошли самые значимые сражения всей войны – взятие Смоленска и битва под Оршей. Однако надо отметить, что Смоленская война 1512–1522 гг. на сегодняшний момент является одной из малоизученных в историографии войн.

Нежелание историков заниматься событиями 1512–1522 гг., как нам видится, базируются на одном глобальном заблуждении – будто бы источников по войне 1512–1522 гг. сохранилось мало, и практически все они науке известны, поэтому ничего нового здесь открыть невозможно. В большинстве работ используются только известные опубликованные тенденциозные источники. И рассуждения о степени их достоверности ведутся в рамках уже известного науке нарратива. Источниковая база за последние десятилетия практически не расширилась ни «вширь», ни «вглубь». Именно этим можно объяснить тот факт, что даже через 500 лет уровень научных исследований в целом о войне 1512–1522 гг., и об Оршанской битве в частности, совершенно не соответствует общему уровню развития исторической науки.

Между тем, значительное число документов остается неопубликованными, прежде всего в европейских архивных собраниях. В этой работе нам хотелось бы поделиться некоторыми предварительными результатами поиска и анализа новых источников по войне 1512–1522 гг.

При изучении событий пятисотлетней давности сталкивается с некоторыми сложностями. Первая сложность заключается в том, что материалы рассеяны по разным рукописным собраниям Европы. Однако активное использование европейскими архивистами современных цифровых технологий позволяют значительно упростить доступ исследователя к документам. Конечно, услуги сканирования требуют определенных финансовых затрат, однако при наличии грантов эта проблема также решаема.

Так, интересные документы по «дипломатической войне» 1511–1512 гг. накануне начала боевых действий можно обнаружить в Главном архиве Саксонии [17]. В саксонских документах достаточно подробно говорится о миссии «слуги князя Михаила Глинского» Христофора Шляйница, пытавшегося завести посреднические дипломатические отношения с Саксонией, а также о противодействии польских дипломатов, направленном против установления антиягеллонской коалиции. Часть документов была переведена и опубликована еще в 1915 г. [4, с. 3–27], однако материалы архива, посвященные планам военного сотрудничества Империи, Саксонского курфюрства, Ордена и России, остаются неизученными.

Одним из крупнейших европейских хранилищ средневековых документов является Тайный государственный архив Прусского культурного наследия (Das Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz. Berlin–Dahlem, далее – GStAPK), который был образован после Второй мировой войны на базе исторического Кёнигсбергского тайного архива (Geheimen Archiv zu Königsberg). Документы из GStAPK – неоценимый источник по истории Центральной и Восточной Европы XII–XVI вв. [12, s. 9–19].

Агентурная сеть, созданная крестоносцами в Восточной Европе, способствовала сбору оперативной информации. Все собранные на границах Литвы и России сведения оседали в канцелярии Тевтонского ордена. Сообщения поступали к великому магистру маркграфу Альбрехту Бранденбургскому от разных должностных лиц Ордена – келлермейстеров, фогтов, комтуров, епископов, ливонского магистра и т.д. [1, с. 183–189]. Помимо разведсводок, в архиве представлена и дипломатическая документация, касающаяся событий 1512–1522 гг. на русско-

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 15–21–01003 а(м)

литовском фронте: переписка с германскими кюрфюрстами, Папой Римским, Максимилианом I, Сигизмундом I и др. [18, s. 91–423]. Материалы сосредоточены главным образом в двух собраниях – OBA (Ordensbriefarchiv) [8] и OF (Ordensfolianten) [9]. В коллекции пергаментных актов (Pergament-Urkunden, PU) хранится оригинал договора, утвержденный русской стороной [10, Nr 3992].

Следует отметить русско-орденскую корреспонденцию [2, с. 11–26; 3, с. 141–152], в которой содержатся сведения не только о совместном оборонительном и наступательном плане (Kriegsoperationsplan), но и о военно-финансовой помощи Ордена [8, Nr 21269, 22606, 22682, 22761, 23709]. В некоторых посланиях Василий III, желая показать верховному магистру всю решительность намерений в войне против польского короля и великого князя литовского, подробным образом описывал операции своих воевод. В целом, анализ орденской документации позволяет значительно расширить наши представления о событиях Смоленской войны в 1512–1522 гг. [1, с. 183–185].

В другом собрании орденских документов, в Центральном архиве Немецкого ордена (DOZA – Deutschordens-Zentralarchiv, Wien), материалов, рассказывающих о боевых действиях «Московии и Литвы», не обнаружено, но в то же время имеются несколько актов, относящихся к формированию антиягеллонского союза [6, fol.126–129; 7, fol.4–9] и переговоров Ордена с Империей относительно помощи против Польши [6, fol.130–141]

Имперские дипломаты и агенты также тщательно следили за ситуацией на русско-литовском фронте. Сосредоточенные главным образом в Династическом, Дворцовом и Государственном архиве (Haus-, Hof-, und Staatsarchiv, Wien – HHStA) документы охватывают практически весь период Смоленской войны и включают переписку с Москвой и Краковом, а также отчеты дипломатов (миссии Г.фон Шнитценпаумера, С.фон Герберштейна, фон Турна и др) и агентов.

Материалы по русско-имперским отношениям содержатся в разделе Staatenabteilung, подразделе «B» (Ausserdeutsche Staaten), в собрании Russland/Russika der Reichshofkanzlei 1. [5, с. 208]. В этом же архиве хранится оригинал ратифицированного императором Максимилианом I русско-имперского договора о военном союзе [11]. Дела имперской канцелярии – прекрасный материал, раскрывающий подоплеку и интриги императора Максимилиана I, в 1513–1514 гг. стремящегося создать широкую антиягеллонскую коалицию, а в 1515 г. вдруг взявшего курс на примирение с Польшей. Значительный комплекс документов посвящен отношениям с польским королем Сигизмундом Старым (В. Ausserdeutsche Staaten. Polen. Allter Bestand der Reichshofkanzlei/ Polonica. 1.) [13, р. 440]. К большому сожалению, этот корпус источников изучен очень плохо.

Датское королевство являлось одним из серьезных игроков в антиягеллонской коалиции. Отметим, что военный датско-русский союз, направленный как против Польши и Литвы, так и против Швеции, был заключен в 1516 г., чему способствовала активные обмены посольствами.

В Копенгагенском государственном архиве (RAK – Rigsarkivet, København) в собраниях «Переписка между княжескими домами» [14] и «Документы, относящиеся к политическим связям с Россией» [15] хранится корреспонденция датского короля Христина II, донесения в Копенгаген посла Давида ван Кохрана, верительные грамоты и «речи» русских послов Ивана Заболоцкого, Василия Александрова, Григория Загряжского и Некраса Харламова ратифицированный договор о русско-датском военном союзе 1516 г. и другие документы.

Таким образом комплексное изучение материалов GStAPK, SHStA, HHStA, DOZA и RAK позволяет выявить подробности планов о совместных боевых действиях, финансировании войны и взаимопомощи участников коалиции.

Интересные материалы хранятся в государственном архиве в Стокгольме (RAS – Riksarkivet, Stockholm). Так, информативные донесения от купцов, осведомителей и должностных лиц о положении на русско-литовском фронте можно найти в собрании «архива Стуре» (Sturearkivet). Шведский регент Стен Стуре-Младший был заинтересован в пролонгации русско-шведского перемирия (26 марта 1510 г., подтвердительный договор заключен в мае 1513 г.). Особенно его беспокоили результаты переговоров Копенгагена и Москвы относительно антишведского и антиягеллонского союзов, поэтому коменданты Нарвы, Выборга и других пограничных крепостей активно собирали сведения о намерениях и военных приготовлениях русских.

Вторая сложность в исследовании заключается ещё и в том, что все упомянутые дела написаны на разных языках: латинском, польском, немецком, шведском, старобелорусском и т.д. К тому же большинство документов палеографически сложны для чтения, а археографический

разбор скорописи и готического курсива требует определенных навыков. Использование большого комплекса палеографического материала может быть сопряжено наличием ошибок, как вследствие неправильно понятого или ложного источника информации (часто сведения с русско-литовского приграничья базировались на слухах) или же из-за ошибочного истолкования историком неудачно сформулированных предложений средневекового автора. К примеру, в шведском донесении Хенрика Стенссона от 21 марта 1513 г. говорится о том, что великий князь России (fförste aff Ryzseland) прошлой зимой осадил некую крепость Tärffulle в Литве (имеется ввиду, конечно же, Смоленск), под которой, до возвращения в Москву 4 недели назад, потерял 12000 человек («han sade ffore visse tidende, at then store fförste aff Ryzseland var siälff nw j vintter met al syn makt in j Lätogen ok hade bestallat en stad ther i landet som het Tärffulle ok ffore then stad miste han xijm ffolk ok swo drog then store fförste siälff tädan ok in til Mwskowen igen nw iijj veker sidan») [16, Nr 408]. Донесения о походах Василия III на Смоленск, вероятно, отразили влияние польско-литовского источника.

Другой пример: в послании динабургскому комтуру от 16 сентября 1514 г. одного из орденских агентов (GStAPK) первым среди погибших под Оршей воевод упомянут некий князь Михель Шеллади («...inst erste ener gehetenn Mychell Schelady») [8, Nr. 20215. Fol.2]. Агент, скорее всего, по ошибке объединил имена двух главных воевод Михаила (Булгакова) и (Ивана) Челядина, в итоге появился «Михаил Шеллади». Надо отметить, что ни тот, ни другой не были убиты – оба попали в плен. Подобная путаница в именах присутствует в орденской корреспонденции достаточно часто. Кроме того, следует учитывать, что большинство авторов сообщений часто опирался на слухи, которые могли быть отражением гипетрофированных данных о численности москвитов. Так, в донесении магистра Давида ван Корана из Нарвы 22 мая 1513 г. датскому королю (РАК) говорится об огромном войске, которое якобы «растянуло свои порядки и колонны на 20 немецких миль в ширину и на 20 немецких миль в длину, и по периметру армия занимает 80 немецких миль» («... dat se hebbenn gestanden in dem Ordenn vnnd in dem Ledorenn xx dusche Mylenn Bret vnnd xx dussche Mylenn lank all so, dat dat Heer heit gewest vm herr lxxx Mylenn dussch ouer all...») [15, 1с, пагинация в деле отсутствует].

Подобные примеры демонстрируют, насколько важна процедура верификации (подтверждения данных на основе представления объективных свидетельств), интерпретации (истолкование, объяснение) и идентификации (отождествление объектов, опознание) сведений.

Наш краткий обзор отнюдь не исчерпывает все собрания указанных архивов, где могут храниться документы по Смоленской войне 1512–1522 гг. – мы лишь указали первые предварительные результаты поисков. Несомненно, что документов по истории русско-литовского конфликта в указанных архивах, возможно, значительно больше. Тем не менее, можно утверждать, что в европейских собраниях хранится значительный комплекс малоизвестных источников, которые позволяют по-новому взглянуть на Смоленскую войну 1512–1522 гг. В связи с этим актуален поиск и введение в научный оборот новых документов, проливающих свет на события пятисотлетней давности.

1. Лобин, А. Н. Документы об осаде Смоленска и битве под Оршей 1514 г. из собрания Кенигсбергского тайного архива / А. Н. Лобин // Вялікае Княства Літоўскае і суседзі: Права. Вайна. Дыпламатыя / пад рэд.: С.Ф. Сокала, А.М. Янушкевіча. – Минск : БІП – Інстытут правазнаўства, 2012. – С. 183–189.

2. Лобин, А. Н. Планы военного сотрудничества Тевтонского ордена и России в 1517–1522 гг. / А. Н. Лобин // Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2014. – № 1. – С. 11–26.

3. Лобин, А. Н. Послания Василия III великому магистру Альбрехту 1515 г. // А. Н. Лобин / Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2012. – № 1. – С. 141–152.

4. Саксонские сношения с польским королем касательно посольства Хр[истофора] Шлейнца в Москву 1511–1514 гг. : документы Дрезденского главного государственного архива / пер. с нем. А. В. Полторацкого ; пер. с лат. А. Глазырина // Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. – Тула, 1915. – С.2–27.

5. Шутой, В. Е. Документы по истории СССР в Австрийском Государственном архиве / В. Е. Шутой // Вопросы истории. – 1963. – № 9. – С. 208–213.

6. Deutschordens-Zentralarchiv. Preu 398/1.

7. Deutschordens-Zentralarchiv. Liv2

8. GStAPK.– OBA (XX HA Hist. StA Königsberg).

9. GStAPK.– OF 35–40, 42–44, 261. Фолиант № 45 (регистрант Дитриха Шонберга 1523 г.) был утрачен во время II Мировой войны.

10. GStAPK. – PUNr 3992

11. HHStA. Urkundenreihen. – Allgemeine Urkundenreihe (AUR).1514.III.7.

12. Jähnig, B. Die Quellen des Historischen Staatsarchivs Königsberg zur Geschichte der deutsch-litauischen Beziehungen in der Zeit der Ordensherrschaft und des Herzogtums Preußens / B. Jähnig // Deutschland und Litauen. Bestandsaufnahmen und Aufgaben der historischen Forschung. – Lüneburg, 1995. – S. 9–19.

13. Kiaupiene, J. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai Vienos archyvuose, Lietuvos istorijos metraštis. 1996 metai. – Vilnius, 1997. – P. 423–449.

14. Rigsarkivet (København). Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling (TKUA). – Rusland 1516–1769: Brevveksling mellem Fyrstehusene. 73-1

15. Rigsarkivet (København). Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling (TKUA). – Rusland 1493–1578: Akter vedr. det politiske forhold til Rusland. 73–13.

16. Riksarkivet (Stockholm). – 0103 Sturearkivet.

17. Sächsisches Hauptstaatsarchiv, Dresden. – III Abteilung (Geheimes Archiv). Locat 7283. – Fol. 2–3; Locat 8275; Locat 8286.

18. Sach, M. Hochmeister und Großfürst. Die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preußen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2002 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Bd. 62). – 488 s.

Попель Р.И.

ПЕРЕПИСКА ЖИГИМОНТА АВГУСТА С КИЕВСКИМ ВОЕВОДОЙ И МЕЩАНАМИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КИЕВСКОГО ВОЕВОДСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1550-х гг.

В данной статье предлагается краткий обзор внутри- и внешнеполитической ситуации в Киевском воеводстве Великого княжества Литовского во времена воеводы Григория Ходкевича (1555–1559) с опорой на переписку между великим князем Жигимонтом Августом и киевскими воеводой и мещанами. В предыдущей статье мы подробнее рассматривали содержание и значение привилея Жигимонта Августа Киеву 5 мая 1558 г. [9, с. 72–77], тут же делается попытка проследить в хронологической последовательности ряд писем от великого князя к своим киевским подданным и в обратном направлении с акцентом на их смысловом значении в свете важных для Киевщины политических событий. Затронем и роль привилея Жигимонта Августа 1558 г. в содержательной связи с указанным рядом писем, которые являются историческими источниками, позволяющими лучше понять включённость Киевского воеводства в широкий контекст внутренней политики ВКЛ и межгосударственных отношений во второй половине 1550-х гг.

В 1555 г. киевским воеводой стал Григорий Ходкевич, известный политический деятель и полководец ВКЛ. Почти сразу у Ходкевича, который был назначен на должность центральными властями, не сложились отношения с мещанами Киева, в результате чего на нового воеводу пошли жалобы к великому князю Жигимонту Августу. Некоторые документы, свидетельствующие о переписке Ходкевича с великокняжеской администрацией и дающие нам информацию о ситуации в Киевском воеводстве, изданы в составе «Архива Юго-Западно́й Росси́и», часть сохраняется в качестве корреспонденции Г. Ходкевича в V разделе Архива Радзивиллов Главного архива древних актов в Варшаве [10, 2, 7]. Так, в письме Жигимонта Августа от 26 апреля 1556 г. содержится приговор по результатам рассмотрения жалобы киевских мещан на воеводу Григория Ходкевича. В первой части листа перечисляется, в чем горожане обвиняли воеводу. Здесь и незаконные торговые пошлины, и налог для мещан, выезжающих из города для торговли, и отсутствие преследования солдат за тайное винокурение. Также мещане требовали отчёта по приходу и расходу городских доходов [2, с. 109–110]. В результате Жигимонт Август приказывает воеводе Ходкевичу остановить сбор незаконных налогов и упорядочить систему законных налогов и пошлин. При этом подчёркивается, что приказ даётся не только Ходкевичу, но и «инымъ воеводамъ киевскимъ, хто и напотомъ тотъ и замокъ нашъ Киевъ отъ насъ держати будетъ» [2, с. 109–112].

Развитие событий не заставило себя долго ждать. Уже 4 июля 1556 г. Жигимонт Август в своем письме приказывает передать воеводе Григорию Ходкевичу все доходы со всех корчем в Киеве. «Маеть его милость пожытки вси съ тыхъ корчомъ на себе брати, а до скарбу нашего ничого зъ нихъ давати и личбы намъ съ того чыптити не будетъ повинень», – говорится в листе [7, с. 112–113]. Таким образом, потери в доходах Григорию Ходкевичу в любом случае были возмещены, что выглядит как нежелание центральной власти ссориться с представителями магнатории в условиях, когда политическая роль шляхты в Польше и ВКЛ всё более возрастала. Кстати, после жалоб горожан как раз в 1558 г. корчмы были возвращены на благо города [3, с. 78–82].

В ряд этих писем-листов хорошо включается ещё один документ. Это изданный 5 мая 1558 г. великим князем Жигимонтом Августом привилей («листъ») мещанам города Киева. Оригинал привилея сейчас находится в V разделе Архива Радзивиллов в Главном архиве древних актов в Варшаве (AGAD) [10]. Из текста привилея мы узнаем о том, что чиновники и мещане Киева снова жаловались великому князю на новый налог, который «перво сего со всеми паны радами